

С. М. ЛЕВИН

**Жуки Витгенштейна
против философского зомби Чалмерса**

Введение

Мыслительные эксперименты в философии доказывают или опровергают некоторую теоретическую позицию. Достигается это за счет того, что в хороших мыслительных экспериментах читателю предлагается вообразить ситуацию, в которой оставлены только самые существенные аспекты для рассматриваемой проблемы, а все непринципиальные детали оставлены за скобками. После создания мыслительного эксперимента дискуссия может развиваться либо как критика его положений и выводов, либо как сопоставление одного известного мыслительного эксперимента с другим. В данной статье предполагается соотнести мыслительные эксперименты Людвига Витгенштейна и Дэвида Чалмерса относительно наличия у индивидуального сознания такой фундаментальной характеристики, как приватность. Демонстрируется, что эксперимент Чалмерса можно представить, только утверждая приватность сознания в качестве исходной предпосылки, а мыслительный эксперимент Витгенштейна доказывает бессмысличество ее утверждения.

Приватность индивидуального сознания — это свойство, благодаря которому сознательный опыт одного человека якобы никогда не может быть непосредственно доступен другому. О чем бы и как бы я не думал, мои переживания, мысли непосредственно доступны только мне. Ни один физический факт или функция не могут быть полной онтологической манифестацией моих субъективных переживаний. Допустим, я признаюсь кому-нибудь в любви, но у другого человека, если сознание приватно, при этом нет способа убедиться в том, что я действительно испытываю это чувство. Мое признание может оказаться обманом, и никакие внешние, доступные наблюдению факты не могут с абсолютной достоверностью передать, что и как я переживаю. В книге «По-

нятие сознания» Гилберт Райл указывал на приватность как на одно из ключевых положений субстанциального дуализма. Согласно субстанциальному дуализму существуют две несводимые друг к другу субстанции — ментальное и физическое. Ментальное — это мысли и чувства, а физическое — это мир физических объектов и отношений между ними. В рамках дуализма приватность индивидуального сознания обеспечивается несводимостью ментального и физического друг к другу. Если сознание — это нечто принципиально иное, чем физическое, то между физическим и ментальным не может быть отношения тождественности или причинности. Сказанное не исключает отношения корреляции, но корреляция уже подразумевает, что у нас есть две соотносимые друг с другом и нетождественные друг другу сущности. В рамках субстанциального дуализма никакое физическое событие не может быть признано ментальным событием, следовательно, наблюдение за происходящим с другим человеком позволяет нам лишь предполагать, но не знать, его ментальные состояния.

Если же исходить не из дуалистической теории сознания, а из натуралистически ориентированных, монистических взглядов на онтологию сознания, то приватность индивидуального сознания оказывается под угрозой. Натуралистическая теория сознания может отождествлять сознание с некоторыми процессами в физическом мире. Это будет означать, что фиксация этих физических процессов является однозначным свидетельством ментальных процессов, и при достаточном уровне развития технологий будет говорить о содержании сознания. Если утверждать, что сознание — это совокупность процессов в мозге или функций организма, то каждый раз, когда мы объективно однозначно устанавливаем наличие этих процессов или функций, мы тем самым устанавливаем и наличие сознания. Ведь мы будем считать, что сознание и есть совокупность этих процессов или функций. Чувство любви потенциально можно будет фиксировать в поведении или в функциональном и нейрофизиологическом описании процессов в мозге. Поле в таком случае ощущений раскрывается перед нами в качестве объективных данных когнитивной науки. Для приватности индивидуального сознания не остается места.

При натуралистическом подходе к сознанию абсолютная приватность индивидуального сознания невозможна. Следовательно, критики натуралистического могут надеяться, что, доказав, что приватность сознания имеет место или мыслима, они смогут доказать, что натуралистический подход к сознанию, по крайней мере в его функциональном или физикалистском

воплощении, ложен. Мыслительный эксперимент «Философский зомби» Д. Чалмерса, который будет описан в следующей части статьи, как раз и был направлен на достижение этой цели, однако приватность сознания выступает для него необходимым предварительным условием, а не выводом.

Философский зомби

Философский зомби — это мыслительный эксперимент, цель которого — показать, что физическое и функциональное объяснения сознания ложны. Вот как Чалмерс описывает зомби: «Эта тварь является моей молекулярной копией и идентична мне во всех своих низкоуровневых свойствах, постулированных совершенной физикой, но она полностью лишена сознательного опыта»¹. В описании говорится о физических свойствах зомби, при этом Чалмерс добавляет, что вести себя зомби, вероятно, должен так же, как и обычный человек. Вообразим зомби-мир, физически тождественный нашему, в нем существует зомби-двойник Чалмерса, который выглядит и ведет себя как Чалмерс, но у зомби-двойника отсутствует сознательный опыт. Физическая тождественность зомби-двойника Чалмерса означает, что двойник точно такой же, как и оригинал Чалмерс, в своем устройстве вплоть до последнего атома. Все физические свойства двойника: масса, плотность, протяженность — совпадают. Изучение его организма при помощи сколь угодно совершенного медицинского инструментария не может выявить разницы между Чалмерсом и его зомби-двойником. Зомби-двойник ведет себя и функционирует точно так же, так как разумно исходить из того, что физическая копия также является и функциональной копией, но не наоборот. Для того чтобы понять эту идею, представим следующую ситуацию. Если мы знаем, что в нашем распоряжении есть два автомобиля одной модели, то мы можем ожидать, что и ехать они будут с такой же скоростью, однако знания об одинаковой скорости двух автомобилей недостаточно для того, чтобы считать, что они одной модели. Другими словами, физической эквивалентности зомби-двойников недостаточно, чтобы подразумевать их функциональную эквивалентность.

Поясним, что означает отсутствие сознательного опыта. Можно было бы предположить, следуя обыденному словоупотреблению, что зомби-двойник находится без сознания в том же смысле, что

¹ Чалмерс Д. Сознающий ум: В поисках фундаментальной теории. М: УРСС, 2013. С. 137.

и лунатик. Или, например, про лежащего в глубокой коме человека иногда уместно сказать, что он лежит без сознания. Подобные ситуации, в которых человек не может справиться с целым рядом задач, с которыми может справиться здоровый бодрствующий человек, Джон Сёрл обсуждает как ответ на утверждения о том, что сознание не обладает каузальной силой. Но это не то, что имеет в виду Чалмерс. Зомби-двойники ни в коем случае не глупее нас, они не менее внимательны, чем мы. Они могут обрабатывать информацию, рассуждать об абстрактных идеях, решать сложные математические задачи, правильно различать цвета на палитре и даже выносить эстетические суждения точно так же, как мы. Разница в том, что они проделывают все эти операции лишь внешне, в смысле совокупности физических событий, у них отсутствуют внутренние переживания данных действий.

Чалмерс не утверждает, что зомби существуют или будут существовать. Согласно Чалмерсу, лишь то, что мы можем вообразить и непротиворечивого представить подобную ситуацию, уже доказывает ложность натуралистически ориентированных теорий сознания, которые сводят его к физическим состояниям, процессам или абстрактным отношениям между ними. Мыслительный аргумент Чалмерса очевидным образом опирается на предпосылку о наличии приватного и публичного аспектов сознания. Приватное, как написано выше, — это переживание, доступное лишь субъекту и недоступное объективному внешнему наблюдению. О приватном других мы можем судить лишь опосредованно, через публичное. У зомби есть все публичные атрибуты сознания — и физические, и функциональные, но его приватная ментальная жизнь описывается как протекающая без субъективных ощущений и переживаний. Возможность такого описания далее будет разбираться в свете мыслительного эксперимента Витгенштейна «Жуки в коробке», или, шире, в свете его аргумента против индивидуального (приватного) языка.

Жуки в коробке

Мыслительный эксперимент Витгенштейна о приватных ощущениях конструируется в рамках более широкой дискуссии о природе языка. Возможен ли индивидуальный язык? Витгенштейн отвечает отрицательно и в параграфе 293 своих «Философских исследований» предлагает вообразить ситуацию, в которой значение слова и верификация этого значения задаются индивидуально. В мыслительном эксперименте приватные ощущения уподобляются жукам в индивидуальных коробках, доступ к которым

есть только у их владельцев. Приведем полностью знаменитый параграф «Философских исследований»: «Коли я говорю о себе самом: я знаю только по собственному опыту, что означает слово «боль», то разве не следует сказать это и о других? А тогда как можно столь безответственным образом обобщать один случай? Ну, а пусть каждый говорит мне о себе, что он знает, чем является боль, только на основании собственного опыта! Предположим, что у каждого была бы коробка, в которой находилось бы что-то, что мы называем «жуком». Никто не мог бы заглянуть в коробку другого; и каждый говорил бы, что он только по внешнему виду своего жука знает, что такое жук. При этом, конечно, могло бы оказаться, что в коробке у каждого находилось бы что-то другое. Можно даже представить себе, что эта вещь непрерывно изменялась бы. Ну, а если при всем том слово «жук» употреблялось бы этими людьми? В таком случае оно не было бы обозначением вещи. Вещь в коробке вообще не принадлежала бы к языковой игре даже в качестве некоего нечто: ведь коробка могла бы быть и пустой. Верно, тем самым вещь в этой коробке могла бы быть «сокращена», снята независимо от того, чем бы она ни оказалась. Это значит: если грамматику выражения ощущения трактовать по образцу «объект и его обозначение», то объект выпадает из сферы рассмотрения как не относящийся к делу»².

Этот параграф, как многое в творческом наследии Витгенштейна, имеет множество разнообразных интерпретаций. Для целей нашего исследования подойдет наиболее ортодоксальная: Витгенштейн показывает, к каким абсурдным следствиям ведет субстанциальный дуализм и связанное с ним положение о приватной природе сознания. Описание якобы приватных ментальных состояний исходит из модели описания объектов повседневного опыта, когда имя — это способ указания на объект и через такое указание имя обретает свое значение. Эта модель может показаться удачной, если объект доступен внешнему наблюдению и указание можно верифицировать при помощи интерсубъективных процедур. Однако непонятно тогда, каким образом мы можем эффективно говорить об ощущениях в отсутствии процедуры их интерсубъективной сверки.

Речь об ощущениях людей кажется осмысленной и полезной. Мы говорим о наших «жуках», сравниваем их между собой, люди обмениваются репликами о том, как они себя чувствуют, понимают друг друга и меняют свое поведение в зависимости

² Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М., 1994. С. 182–183.

от полученной информации. У ощущений есть названия, и мы уместно используем их в своей речи. Всё это было бы невозможно, если бы ощущения были бы приватны и непроницаемы для других людей. Даже присвоение индивидуальных имен или знаков для ощущений было бы невозможно, ведь тогда у нас бы отсутствовала возможность верификации связи между ощущением и знаком, следовательно, любой знак мог бы относиться к любому ощущению по нашему произволу. «Жуки в коробке» призваны показать не то, что у наших ощущений не может быть имен, а то, что наши ощущения не являются приватными.

Итак, мыслительный эксперимент Витгенштейна демонстрирует нам, что если сознание — приватный феномен, то мы бы не могли указывать на ощущения в публичном словоупотреблении, а так как мы можем это делать, нужно заключить, что ощущения не приватны. Если посылки при правильном рассуждении ведут к абсурдному следствию, то от таких посылок следует отказаться.

Пустая коробка или пустые разговоры?

Мыслительный эксперимент Витгенштейна «Жуки в коробке» стал популярным доводом как против дуалистических концепций сознания в целом, так и против их отдельных положений, в частности приватности ментальных состояний. К этому мыслительному эксперименту можно прибегать для опровержения аргументов, которые исходят из дуалистических предпосылок, так как они будут иметь абсурдные следствия. Например, отечественный философ Дмитрий Иванов, обращаясь к Витгенштейну, показывает, почему сценарий инвертированного (перевернутого) спектра невозможно описать непротиворечиво, и на этом основании делает выводы о природе сознания. Сценарий инвертированного спектра предполагает возможность существования человека, который видит обращенную цветовую палитру (допустим, всегда красный вместо зеленого и наоборот), при этом в функциональном отношении такой человек не отличается от обычного. Аналогичным образом мы применяем жуков Витгенштейна к философскому зомби Чалмерса. Следует уточнить, что наша аргументация напрямую не зависит от правильности всех или даже части выводов Иванова, т. к. мы используем похожие рассуждения применительно к другой проблеме. Даже если поставить под сомнение, что витгенштейновские рассуждения неспособны доказать невозможность инвертированного спектра или что такая невозможность не позволяет сделать однозначный

вывод о природе ментальных состояний, это само по себе не говорит об уместности предложенной нами теоретической операции. Может получиться так, что рассуждения Витгенштейна работают в одном случае, но не работают в другом.

Для того чтобы мыслительный эксперимент Чалмерса, как и любой другой мыслительный эксперимент, был значим, он должен быть не только представим, но и мыслим, т. е. концептуально непротиворечив. Одним из первых необходимых условий концептуальной непротиворечивости мыслительных экспериментов выступает сама возможность их описания. В случае с экспериментом Чалмерса мы утверждаем, что возможность описания зомби входит в противоречие с дуалистической предпосылкой о приватности ментальных состояний, на которую опирается этот эксперимент.

Чалмерс предлагает представить мир, в котором есть существа, физически и функционально тождественные нам, но не обладающие нашим феноменальным опытом. При этом у нас нет способа проверить, обладают ли они такими ощущениями. В мыслительном эксперименте Витгенштейна они были бы подобны людям, у которых в коробке отсутствует жук, но они поддерживают с другими разговоры о жуке, т. к. в коробку заглянуть кроме них никто не может. Если мы без потери смысла можем заменить владельца коробки философским зомби, то это уже должно говорить об абсурдности мыслительного эксперимента Чалмерса. Ведь жуки в коробке — это доведенные до абсурда следствия из дуалистических предпосылок. И чем более мы углубляемся в детали этих следствий, тем менее вероятной представляется концептуальная непротиворечивость философских зомби.

Как мы помним, цель Чалмерса — показать, что физические факты и функции не исчерпывают сознания, к ним нельзя reduцировать субъективные ощущения людей, но эти ощущения должны быть заметны людьми, иначе люди никак не будут отличаться от зомби, а это совсем не то, что хочет сказать Чалмерс. В истории с жуками никто не может зафиксировать наличие или отсутствие ощущений в коробке. Сообщая о возможности мира философских зомби, Чалмерс должен сообщить не только, чем этот мир будет отличаться от нашего, но и кто в принципе смог бы зафиксировать это отличие. Ведь если отличие мира зомби вообще никак не может быть зафиксировано никем из двух возможных миров, то можно предположить, что оно просто отсутствует.

Кто бы мог зафиксировать отличие зомби-двойников от обычного человека? Люди по определению зафиксировать такое различие не могут, ведь предполагается, что зомби ни поведением,

ни внутренним устройством от обычного человека не отличаются вообще никак. Ментальные состояния приватны, но также приватно и отсутствие ментальных состояний. Если другие не могут знать, что и как я чувствую, то точно также они не могу знать, когда я ничего не чувствую, т. е. отсутствие чувств зомби нам не будет заметно. Сами зомби также не могут зафиксировать отсутствие у них субъективных переживаний, т. к. им незнакомо это чувство. Получается, что Чалмерс предлагает вообразить нам ситуацию, описание которой не фиксирует никакого отличия от актуального мира. Значит, это различие может быть снято. Чалмерс говорит нам: «Представьте мир, который отличается от нашего», — но это отличие невозможно заметить. А если это различие невозможно заметить, то следует признать, что у Чалмерса просто не может быть концептуально непротиворечивого описания философского зомби. Иными словами, сама попытка описать эту ситуацию является пустым разговором, т. к. не отсылает нас ни к какому различию.

Одно из возражений против предложенной линии аргументации может заключаться в том, что отсылка к Витгенштейну в дебатах о зомби «опирается на допущение, что словам для того, чтобы обладать осмысленностью, требуется возможность публичной проверки». А ведь такое допущение не согласуется с тем, как сторонники зомби-аргумента думают о субъективных ощущениях. На наш взгляд, это возражение не работает применительно к предложенной линии аргументации, т. к. оно касается публичной верифицируемости высказываний о сознании, а мы говорим о принципиальной эпистемологической закрытости различия, к которому нас пытаются отослать Чалмерс. Действительно, ни мы, ни зомби не могли бы оценить высказывания зомби о своих субъективных переживаниях по шкале истина — ложь — бессмыслица. Однако публичная неверифицируемость — следствие этого эпистемологического положения дел, а не его причина. Выше было указано на то, что это различие никто из участников мыслительного эксперимента не может заметить сам даже и без того, чтобы зафиксировать это различие в речи.

Выводы

При совмещении мыслительных экспериментов Витгенштейна и Чалмерса выясняется, что невозможно описать философского зомби концептуально непротиворечивым образом. Сторонники мыслимости зомби оказываются перед лицом неразрешимой дилеммы. Либо им необходимо признать, что сознание приватно,

и тогда оказывается, что зомби легко вписываются в абсурдную ситуацию с жуками в коробке. С той только разницей, что Витгенштейн намеренно подчеркивал эту абсурдность, а у Чалмерса она спрятана за завесой обыденного словоупотребления. Либо для того, чтобы избежать абсурдных следствий, стороннику зомби придется отказаться от доктрины приватности ментальных состояний, но тогда философские зомби перестанут быть таковыми, т. к. мы бы смогли обнаружить их отличие от обычного человека.

